

алексей цветков

шекспир отдыхает

Стихи 2004-2005

Пушкинский дом, 2006

«Вот мои звери», – сказал Заратустра, и
возрадовалось его сердце. – «Самое гордое животное под
солнцем и самое мудрое животное под солнцем...»

Ф. Ницше

* * *

странник у стрелки ручья опершись на посох
ива над ним ветвится в весенних осах
летучие лица тучу сдувают в угол
на горизонте латают лазурный купол
вьюн виноградный часовня и поле льна
средневековые времени полдень дня

дробная россыпь черных грачей в ландшафте
или людей впереди один на лошадке
это к нему с виноградного склона слева
скачет ручная серна и машет дева
лен полыхнет синевой озаря твердь
посох коса и страннику имя смерть

над капюшоном ива струится пышно
люди поют в унисон но сюда не слышно
гибкая дева-ива и серна в лозах
лики длинного ветра в безруких позах
музыка ос золотая пряжа лучей
странник стоит на траве и глядит в ручей

лица без тел и тело без глаз и кожи
в полом плаще но существует тоже
в чреве часовни монах воздевает руки
с детства боится и молится богу-буке
нет ему бога и вся эта жизнь ничья
деве уже не пересечь ручья

все золотые осы весны и в тучах лица
этот свет беспробудному камню быстро снится
только синим огнем полыхнет по липкой глине
и обрушится в ночь а буки нет в помине
только химия гложет время за слоем слой
дева машет с холма и серна летит стрелой

* * *

грузно в воздухе тишина
стерты контуры в порошок
и судьба твоя решена
потому что срок подошел

если выстроить годы в ряд
различим очевидный вред
где гранит поперечных гряд
прерывает перечень лет

где луны серебристый ствол
упирается в лесс и мел
и в труху рассыпался стол
за которым картофель ел

напряжением прежних волей
не разъять над теменем тень
волчий вой и павлиний вопль
одинаковы в этот день

есть у тела пятерка слуг
все отпущены под расчет
и когда исчезает слух
разговор из-под глыб течет

говорит пирит полевому шпату
скоротечны умственные труды
но судить об этом нам не по штату
потому что отроду мы тверды
это мы земли золотая пена
не взопреет слизь и не будет тлена
там где червь не точит и ржа не ест
где искрится кварц и свербит асбест

говорит бериллу яр аметист
мы последний лес где не дрогнет лист
до конца времен простоит чертог
где закован сном наш чугунный бог
по всему пространству его миры
где горды мы что с ним заодно мертвы
только тот порядку вещей полезен
кто померк внутри и нем навсегда
остальное сыворотка и плесень

не простить стыда
шелестит слюда
хорошо горит
говорит пирит

* * *

над пропастью как пророк
в большом штормовом плаще
добро еще не продрог
и не околел вообще
в пустыне полсотни лет
однако эффекта нет

назад в позабытый дом
припрыжка не по летам
должно быть ошибка в том
что шум поднимал не там
не тех тормошил и тряс
не с теми пускался в пляс

песков терпеливый гость
беглец ледовитых круч
в стене заскорузлый гвоздь
в руке бесполезный ключ
и как в предыдущий раз
партер вороватых глаз

я слово для них обрел
где в пойме черна земля
на правом плече орел
на левом плече змея
предсмертного солнца жар
и в горле бильярдный шар

* * *

кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы
и с моста в пролом талахачи а смерти нет
билли джо макалистер о ком бобби джентри
пела пока не канула в интернет
в год когда я ждал на бульваре гири
в теремке термитном скорых даров судьбы
антиподы-прадеды с лязгом зубы в супы
упустили и рты утереть забыли
аж до орденских плашек висла слюна
в год когда я дернул к иным пределам
к синему заливу и пылким девам
запевай струна

от рассвета по трайборо вброд до бронкса
до заката на дилерской тачке в тендерлойн
грыжа держит азимут авось доберемся
в путь по солнечной в обратный по теневой
поздних зорь резеда в парнике партийном
муровали в гранит эти челюсти и тела
зимовать потому что смерти нет в противном
случае надо признать что жизнь была
к руслу миссури нимфы на фавнов падки
над cbgb лето прольет елей
мост над синим проломом по радио панки
the kkk took my baby away

погляди меня в гугле господи всех вселенных
если я записан в какой-нибудь их народ
очарованный житель в рощах твоих целебных
дегустатор нимф и редких рифм нимрод
сквозь гикори и гинкго слепящий свет одинаков
сквозь хитон рентгеном костей любой сантиметр
я вернулся открыть вам тайну двух океанов
горизонт безлюден как был и смерти нет
кто затеплил свет перед светом навек в ответе
не уйти в полутьму астролябий и ветхих книг
под окном паркинг-лот на асфальте играют дети
кеннеди кеннеди кинг

* * *

было третье сентября
насморк нам чумой лечили
слуги ирода-царя
жала жадные драчили
опустили всю страну
поступили как сказали
потный раб принес к столу
блюдо с детскими глазами

звонче музыка играй
ободряй забаву зверю
если есть кому-то рай
я теперь в него не верю
со святыми не пойду
соглашаюсь жить в аду

в царстве ирода-царя
кровь подсохла на рассвете
над страной горит заря
на траве играют дети
все невинны каждый наш
я предам и ты предашь

4 сент. 2004 г.

* * *

треплет невзгода кулисный картон
зыблется мокрого света граница
в пепельных клетках бюро и контор
время двоится

небо зажгло штормовые огни
голос погас или горло в коросте
где это с нами и кто мы одни
здесь на помосте

время повернуто в оба конца
тонко в нии нагадала наука
мчится во имя кому-то отца
сына и внука

тени охапки и ворохи тьмы
реют бореи сквозь тросы тугие
как это с нами и кто эти мы
кто-то другие

только заря загорится черна
гостья с обратного берега ночи
глянет нам кормчий с чужого челна
вкрадчиво в очи

* * *

рано выйди на дорогу
солнце медное над ней
там пасет себе корову
человек вчерашних дней

шелест вяза у развилки
справа кочки прямо пни
в камне выбит текст дразнилки
гроб куда ни поверни

торопясь под песню птичьёю
за лекарствами в район
можно стать кому-то дичью
и добычей для ворон

если выйдешь к автомату
на жену как волк сердит
там шопенову сонату
группа медная дудит

даже ближний путь в контору
на разбор текущих дел
мученичества корону
обещает каждый день

у любого домочадца
после потного труда
есть серьезный риск скончаться
и исчезнуть навсегда

* * *

теплый вечер дождями умыт
ветер кроны янтарные вытер
кто-то в парке сегодня убит
я прошел стороной и не видел

не клинок так любовь и вино
обеспечат плиту и ограду
потому что природой дано
совершить нам любую неправду

весь в ромашках редяющих трав
мало света и счастья немного
этот мир перед нами не прав
мы здесь пасынки слабого бога

заведу расшивную тетрадь
черный бархат на алой подкладке
чтобы всех кто рожден умирать
занести в алфавитном порядке

для каких-нибудь лучших веков
где судьба осторожней и строже
бродский проффер сопровский цветков
и ромашки
и бабочки тоже

* * *

Памяти Д. Н.

погоди я тащусь от пейзажа
то шакал в камыше то койот
к синеморю река проезжала
там о родине что-то поет
под кустом мегатонны в значке
видно сбросил сержант кабалу
а потом луговые собачки
правят утро в сосновом бору
три сурка со старинной конфеты
в нежных нимбах дрожат силуэты

там вдали огоньки полустанка
сам-шериф и ковбоев пяток
и невольно пришпорит мустанга
утомленный планеркой парторг
он согласен явиться народу
чтобы стейки первач и ситро
из-за образа вынут колоду
texas hold'em стрельба у сельпо
пусть поштопает ватные польта
шестикратное зарево кольта

далеко это ранчо однако
все торнадо команчи леса
и не факт что в заштатном монако
иноходцу нароют овса
ни сырку ни лучку тебе дядя
посильнее здесь гасли умы
только истово крестится глядя
на большой полумесяц луны
и бубнит буераками едя
три сурка три сырка три медведя

* * *

стекла в стрелках дым в трубу
лес одетый в мыло
конькобежцы на пруду
вот и все что было

стрекот ходиков скорей
стриж в лазури лихо
после ловли пескарей
сбор ботвы и лыка

своз соломы на возах
сельские приметы
исчезают на глазах
ветхие предметы

так привидится потом
отчая сторонка
на окне лежит батон
на столе солонка

ночь проспим и время с ней
ни молвы ни толка
станем тише и грустней
жить уже недолго

* * *

жизнь больному не убыток
пей лекарства и не кашляй
у медведок и улиток
тоже есть своя у каждой

существуют волк и выдра
есть ежи морские даже
тоже люди очевидно
общей пьесы персонажи

все дантисты и еноты
все бациллы и датчане
совершенно невиновны
в том что созданы вначале

у людей болеют дети
в сентябре синицам зябко
кто останется на свете
если все умрут внезапно

кто же нас из камня выжиг
кто из тьмы прогнал неистов
царь монархии мартышек
дож республики дантистов

свет звенит над нами ярок
корм резвится в теплой луже
жизнь похоже не подарок
но не жить гораздо хуже

* * *

в ржавом остове вокзала
тень струила невода
зубы редкие вонзала
прямо в горло немота

здесь забыв собой гордиться
хрипло дышит человек
словно тусклая водица
ночь сочится из-под век

каждый зев привержен зелью
жизнь диктует где поддать
никогда на эту землю
не сходила благодать

ночь река с проворной грустью
постепенно сносит к устью
шелудивых и увечных
население баржи
в протяженье каботажа
экипаж постигла лажа
неприятели природы
эти шлюхи и бомжи

почему на пристань леты
с детства выданы билеты
почему еще в полете
чайки загодя мертвы
сколько глаз к стеклу ни липни
там пургу сменяют ливни
а потом прикроют веки
санитары и менты

сказка лживая связала
жалких жителей вокзала
рай курортный с пыльной фрески
жизни требует взамен
всюду пальмы посмотрите
сбоку буквы на иврите
для пригожих и умытых
древней радуги завет

я войду и буду краток
миновало время пряток
миру времени в обрез
бейте в бубны
я воскрес

* * *

здесь перечеркнуто и смысл вложить нельзя
как жернов тяжела последняя земля

здесь времени кайма и в сумерках видны
индиговых небес монтажные винты

в невидимый прокол проложен нежный нерв
в лесу ажурных ферм над ужасами недр

созвездий верхний вихрь песок столетий вниз
do not climb the guard-rail и do not loiter please

кругом возможно сон но чей-нибудь чужой
попытка выбора меж плотью и душой

отвага быть добрей
но не тебе и мне
звезда моих морей
крепежный болт в стене

когда воскреснет речь
то в ком-нибудь другом
пока пойти и лечь
такая ночь кругом

* * *

пытаться петь и верить вечно
считать что существует нечто
пищит и вертится в руках
жаль что не выглядит никак

в холодном погребу сознания
где сердце вредный истопник
предметов глупые названия
пустые формы из-под них
волокна времени бездушны
каменной рекорден урожай
ты этих сущностей без нужды
не умножай } 2 р

поди вернись в верховья мира
в забытой азбуки года
где только мила ела мыло
а мы не ели никогда
мертва премудрости царица
мать умозрительной хуйни
пора в мобильнике порыться
взять и жениться по любви

* * *

клекот из горла ли лепет из чашки петри
осциллограмма легкой капелью пульс
раньше росла трава и птицы пели
нравилось лучше все состоится пусть

гром метеоров в грозу города отважны
всплыть чтобы мокрые звезды рыбьим ртом
все что возможно случится сейчас однажды
пусть никогда никогда никогда потом

в темень струит стволы и в ливень лица
бережный сад к оврагу журчит дрожа
трудно сбывается все что не смело сбыться
страшно и сразу как в сумерки блеск ножа

третий удар тишины и дробью снова
кто там стоишь у ослепшей стены одна
воля твоя велика но вслух ни слова
землю разверзни но не затворяй окна

свернута кровь в рулоны сыграны роли
слипшихся не перечислить лет в душе
сад в соловьиной саркоме лицо до боли
и никогда никогда никогда уже

* * *

на пляже тени влажные ложатся
кружат стрижи и не хотят снижаться
сто шестьдесят девятый день в году
скрипят ворота и орфей в аду

река на букву с и бессловесны
птицеподобья в тучах муляжи
животных на притворном водоеме
над всеми кипарисовые свечи
пылают черным правильным огнем
и бабочки как проруби в сетчатке
стократ черней чем допускает глаз
не шелохнуть ушей бесшумной лирой
вот жители умершие из нас
и страшен всем ротвейлер троерылый

он здесь повторно раньше он имел
спецпропуск на какую-то одну
из этих нас но слабо в мелкий шрифт
вчитался и ротвейлер на контроле
вмиг завернул которую привел
тот даже с горя спел по-итальянски
стена след упущенной добыче
в окошко тыча справку и печать
мол дескать que faró senza euridice
что дескать делать и с чего начать

нас нет никак мы созданы из вздохов
из допущений и негодований
из слез и всхлипов тех кто нами был
на елисейских выселках отныне
где так черны стрижи и кипарисы
и метит камни оловом река
там наверху зачем кадите богу
не возвратится с музыкой жених
из этой бездны где ротвейлер ногу
вздымает над надеждами живых

* * *

перед кем они прежние виноваты
что не те за кого себя выдавали
наслоили времени в дуб толщины
с нашего торца в канун прощальной стражи
все живые и их железные даже
вещи под подозреньем но прощены

в целях нам укора в прямом людоедстве
хрупкий трупик матери терезы в детстве
лику блаженных за комковатость лап
сопричислен крестовым воинством спида
толоконный престол швейцарская свита
мы не вашей своры все спасены кто слаб

ни беды ни гнева давно в организме
мраколюбы уличат в маркионизме
все спасено в готичных лучах луны
подпеть дрозду испить дождевую каплю
и уходя припасть к тростнику и камню
без вериг и веры с сердцем полным любви

* * *

in memoriam...

горло гноит досада от летней простуды
вреден ветер и время без пяти опасно
столько зрения было и слуха напрасно
столько солнца сожгли на жесты и поступки

руки сквозь встречный воздух как воск через силу
медленный бег обещает позднюю помощь
поздно пытаться всем кого любил и помнишь
рассыпать billets-doux по sms и мылу

кольца сатурна немели от наших песен
сладок лидийский лад и для любви полянка
вот она пара ушей от чего понятно
вот игла кощя и поликратов перстень

день состоится секреты ему известны
тьнь обернись только музыка не велела
песня без слов баба без рук но не венера
верно богиня беды или зверь из бездны

чтобы в горле гарь уже не казалась адом
вдребезги свет электрический ток в розетку
пассажир с вещмешком в лондонскую подземку
бюллетень би-би-си парное мясо на дом

выйдем к вечеру живые узрим воочью
неба нет и в эту дыру сквозь дым струится
свет который теперь никогда не затмится
день который для них не завершится ночью

* * *

в мерцанье мышц в просветах непролазных
зубов где мысль на выдохе скрипит
речь воспаряет над раствором гласных
швырни щепоть шипящих и вскипит

месторождение ругани и гимна
по немоты наружную кайму
где ни ушей ни паче рыл не видно
с кем разделить или излить кому

с пустым стаканом пересечь квартиру
вздremнуть впотьмах неведомо куда
пока внутри торопится к надиру
короткая империя ума

пусть неусыпен в черепном приборе
миноискатель истины но син-
тетических суждений априори
в таком безлюдье звук невыносим

когда наутро что ни свет то вторник
щеколда вновь на челюстях слаба
но врач на букву а как древний дворник
давно подмел ненужные слова

* * *

проснуться прежним навеки на этих фото
вмиг ориентир на буфет и виски залпом
буржуазно живут но видно вышел кто-то
в красивой стране в июле своем внезапном
словно от старости света день фиолетов
еще догорает тостер и чайник жжется
вниз по стене золотые девки берн-джонса
а бушевал что в жопу прерафаэлитов

к старости вкус снисходительней если телки
щедрость зла и добра откуда что берется
не то что чужая душа своя потемки
или это все-таки я а тот вернется
вот на комоды широкоморд и бледнее
рядом возможно но боже только не это
так загреметь в чужое без пощады лето
жутко как жизнь одинакова но длиннее

куцые тени это точно дальше к югу
снова изящное искусство та же тема
телка в соку и ей скелет клешню под юбку
никлаус мануэль рисунок смерть и дева
только не это боже сердце в кровь о гравий
времени в тусклом стекле лиловее вечер
черный такой в клочьях тлена навек обвенчан
со всеми но не с тобой не с тех фотографий

ваза с розами вдребезги об пол и ладно
жители гасят свет и тоже гаснут сами
ключ прогремел в замке и не заснуть обратно
уговори что это случится не с нами
что рожденным в лучах авроры в пене снежной
не входи минуту слушай о чем толкую
дают ледяное сердце и жизнь такую
чтобы вровень со смертью страшно но с надеждой

* * *

теперь короткий рывок и уйду на отдых
в обшарпанном 6-motel'е с черного въезда
визг тормозов и время замирает в потных
послеполуднях жиге жить не сыщешь места
какой-то шибойген или пеликен-рэпидз
всплески цветных галлюцинаций на заборах
окно в бетон на стене трафаретом надпись
то-то и то-то паркинг в пыльных сикаморах
платишь индусу в субботу сколько осталось
или в календаре переставляешь числа
ящик на шарнире звездный след это старость
годы которым в уме не прибавить смысла
солнце летит болидом за дальний пакгауз
точка где исчезну и уже не покаюсь

щелкнешь пультом и в кильватер ток-шоу теннис
а поскольку лето в календаре постольку
звон цикад я вчера через дорогу в denny's
слышал про озеро в пяти часах к востоку
взглянуть бы раз но движок у доджа ни к черту
ремень вентилятора источили черви
пергидролевая за стойкой взбила челку
не для меня конечно да и мне зачем бы
кофе разит желчью носок изъездил вену
запор на заре потом понос на закате
озеро-шмозеро вообще не шибко верю
ничего не бывает витгенштейн в трактате
написал как отрезал каждому известно
правило мир это все что имеет место

озеро мичиган заветный берег жизни
так далеко на сушу отшвырнуло бурей
не был в йеллоустоне где медведи-гризли
в сущности то же что и европейский бурый
где-то америка башни вновь по макету
гадай в шибойгене переживут ли зиму
нынче было знаменье как баньши макбету
на коре кириллицей кость сердце зину
дрогнуло перед взрывом что земля большая
сердце истекло любовью к родному краю
но уже все равно потому что вкушая
вкусих мало меду и се аз умираю
в городке которого не припомнит карта
на крыльце мотеля в подтяжках из k-mart'a

* * *

так скажи не кружи в уме а если если
в переулках обломки топота и толпа
словно выхлоп из плоток стреляет стальные песни
в кристаллическом воздухе что же тогда тогда

ни одной тишины если город и ум совместный
на реверсе затылка это и есть лицо
и хоть вещи-в-себе за пределом причин и следствий
в голове слипаются мысли на если то

летний блеск с высот и фасеточный мир в подарок
здесь любовью сердце и речью в прах изотри
по всему околотку такой торжествуй порядок
вопреки уму чтобы пламя шло изнутри

кто осип на стогах не станет достоин смерти
потому что жертве не проиграть войну
как старинный сенека под аккорд монтеверди
но не во пленник впалый с разодранным ртом во лбу

реют руки с помоста в оркестре запели пины
отметелят польку и по брусчатке марш
повезет так фалангой в стекло гонец из пизы
а которого ждали если не этот ваш

полюби под крылом перелетную в липах область
перед дверью наружу расплакаться и обнять
чтобы прерванный срок приоткрыл свой закон и образ
как теперь навсегда но не если тогда опять

* * *

счастлив кто в кругу отеческих птиц и пиний
мальчик согрей воды принеси полотенец
как воспел в энциклопедии старший плиний
или младший но вряд ли тот еще младенец
гостей обнесли вином нарезают дыню
как воспел не все ли равно гораций ладно
умереть за отчизну достойно и славно
кровь вьется в воде подобно алому дыму
снаружи зевает стража челядь в печали
лукан в дверях вяло пожимает плечами

гости глотнули вина заедают дыней
ляпнешь лишнего и тотчас дадут огласку
один склонился к ванне наверно квинций
то есть статей конечно наложил повязку
так и будем прощаться в молчанье согласном
сам просил рабыню в спальную половину
виллы перевести помпею паулину
угасать отдельно пусть не будет соблазном
староват для смерти кровь побегу не рада
но друзья пообещали развести яда

жизнь легла как стрела да кончина лукава
вот и племянник луcretий хренов и энний
поздно полагаться на олуха лукана
пусть и лауреат литературных премий
предкам присягал но чаша в руке дрожала
лапа совместной беды и над ним когтиста
тоже ведь дождетса вестника от артиста
скрипача среди живописного пожара
нынче молчалив упирает глаза в стену
что ли для новой поэмы лелеет тему

прав я был смолоду не допуская страха
верно верил что мудрый не имеет гнева
был бы как эти гости или эта стража
подвержен каждой боли и не видел неба
хоть и деталь но приятно уйти красиво
трибун мог как раба мечом или на дыбу
благодетели медлят но несут спасибо
в кубке отравы подобна белому дыму
тусклая тьма судьбы ее жидкие зори
dulce et decorum est pro patria mori

* * *

диспетчер погоды грозу громоздит из угла
пейзажного дня где луга в котловине пологи
в полуденном поздняя небе нелепа луна
но вспученно дачный ручей обивает пороги

он вымок до нитки в чем прошлую ночь провожал
на выдохе бег и повадка погоды опасна
вдомек ли кому осторожный народ горожан
что скоро гроза и луна в голове неотвязна

жара и природа в бобрах у запруды жива
порой парусами врасплох не расплещутся шторы
влюбиться с разбега покуда не гром из жерла
бояться спотыма и к живому невеститься чтобы

надежда напрасна что день перед устьем багров
как синтаксис песня латинский ручья прихотлива
мы дачники вечно неместные гости бобров
искатели мелкого жемчуга в ленте отлива

покуда не молния с преображенных небес
и жадное в синенький ситец обернуто око
плеснуть из сосуда за прелести летних невест
весь в трещинах воздух и в бурю без них одиноко

* * *

ближе к ночи в уме прогремело
и в окне где в огне города
замерцало небесное тело
убеждая что жизнь коротка
семихвостая в перьях комета
неизвестно какого рожна
словно сверить по списку кого-то
да забыла ее ли должна

прохрипит накануне ворона
а когда рассвело навсегда
выезжает на берег кедрона
некто конный с дудой у седла
эта древняя в дырах природа
и немые слова изо рта
извергаются без перевода
тушбехата ве-нехемата

некто конный в крови или мыле
злая музыка сводит уста
но когда плащаницу открыли
изнутри оказалась пуста
капли звезд на невидимой коже
едкий свет под глазами утри
спи бесстрашно нас кажется тоже
развернули и пусто внутри

* * *

с колосников проворны провода
песком и солью тяжела кулиса
она стоит и кто она тогда
она поет о том что нет улисса
что мир как дым и время как вода

в великом море островам просторно
настанут снова солнце и луна
tu sol del tuo tornar perdesti il giorno
она поет но кто тебе она

в чужих краях корабль не прогадает
верстая путь покуда не поймет
что мир как миг в который пропадает
любой из нас о ком она поет

ткань времени до середины спета
узор ковра губителен и прост
она луна одна в руинах света
и солнце днем где не осталось звезд

в соленых брызгах догорает птица
на берегу прощальный ветер пуст
она поет и нам не возвратиться
пока она не затворяет уст

* * *

так облака бледны олени в долгой лежке
так бережен в бору невидимый костер
замешкаться у штор нашептывая кошке
такая жизнь на свете mon enfant ma sœur

блаженство что сентябрь и снова звезды оземь
из нежной пропасти слепые светляки
и то что мы живем преодолая осень
неведомы нигде и так невелики

сентябрь и серп жнеца когда бы только знали
всегда как вьется свет волнуя и слезя
как точно сложится все что случится с нами
мы жили бы давно уже не жить нельзя

осины у ворот их медленное стадо
из земноводных уз зеленый водолаз
им невдомек пока что умирать не надо
когда стоит любовь как полынья до глаз

звон близкой осени на все края и версты
в зените бронзовом где журавлиный след
и ты что движешь солнце и другие звезды
когда мы смотрим вверх преодолая свет

* * *

city the skylit castle its thirty suns of september
whose oriflammes flapping recede in the dusty distance
along the temporal axis of the garden enclosure
wherein i daily rest my corporeal burden
myself and other animals observed

how quaintly they creep and skip little dears
their puny lifespans within my sneezing range
i will be their idol who fails them
i feel enough power to fail each and everyone
of them through neglect but deliberately never
and never out of spite for there is love enough for all
their tiny prayers aimed at me miss

the promised eternity is a month short
of the sole end that counts
old gent september with his thirty wayward sons
a book left on the bench
by someone absent minded one could
squint and read the title os lusiadas
i should know what that means but I do not
must have understood it but forgotten
all knowledge alas is loss

* * *

город озаренный небом замок тридцать солнц сентября
убывают с плеском вымпелов в пыльном далеке
скользя по временной оси садовой изгороди
где я что ни день слагаю телесное бремя
я и прочие твари предмет наблюдения

как изящно крадутся и скачут эти малютки
их жизненные сроки в орбите моего чиха
я буду им кумиром который никого не спасет
мне достанет мощи подвести всех и каждого
из них по невниманию но никогда нарочно
никогда по злобе ибо любви вдоволь на всех
маленькие молитвы целются в меня но мимо

обетованная вечность короче на месяц
с единственной полезной стороны
старик сентябрь и его тридцать беспутных сыновей
оставленная на скамье книга
кем-то рассеянным и даже можно
скосив глаза прочесть название os lusiadas
я знал что это значит но не помню
понимал однажды но забыл
всякое знание короче травы увы

* * *

голый глаз как светильный газ в слюдяной воде
костяные по стенам жабры и бедный бубен
окажись вполне он и был бы да нет нигде
всем скелетом ввысь так и пел бы весь но не будет
трудный прах и себе никто и другим не друг
полый свет вблизи но отсюда наискось старец
из последних мышц в проницающем ветре рук
существуй вообще бы еще называлось танец

раз пробойны звуков в слоистый ввинчены чад
кто ли женский в ответ полувплавь из ночного чума
воздевая навстречу откуда запястья торчат
кровеносным нутром наперед предчувствие чуда
заюлит в пандан симметрично тому кто был
или не был конечно крестцом наподдаст шалава
уминая поверхность как барабанный блин
всем тапирам святая сестра и мать шакала

навести пустоту на резкость взять напоказ
буровые пробы света хоть неодинаков
то он мерче то ярче а то навсегда погас
негативом пламени над головнями маков
потому что первой в огне закипает боль
липким зельем гнева напитаны злые зерна
результат этих двух которые в сумме ноль
но рядятся плясать и в одно сплетены позорно

продащица страха всей тоски скоморох
сотворенье дней из брения их и кашля
обещает все что положено скоро мох
станет шерстью земли и лишайник хитином камня
дальше прянут вверх хвощи из удобных дыр
вдалеке практикуется предков двуногих двойка
в парном виде спорта
теперь существует мир
но другой не этот
и тоже совсем недолго

* * *

нас ночь разводила и наспех совала в метро
там пристален люд и народ астеничен рабочий
в коротком углу приблизительно я или кто
плечами впечатан в молву и мурлом неразборчив

какой-то он давний по виду двойник отставной
чей пульс пеленгуя часы отбивают победу
но нет постепенно которые были со мной
и негде добиться куда я так тщательно еду

бузило нетрезвых когда нас пускали в метро
числом человек молодежи в ком знания шатки
пока в переулках по сущие бедра мело
их нежную внутренность то бишь и не было шапки

назад в эту зиму вморожен как столп соляной
дворы бездыханны и снежные игры все те же
но где отовсюду которые были со мной
и не были даже которые тоже все реже

я вырасту бродским природы я всех сберегу
разборчивой речью с прилавков шума тиражами
кто там на излете маршрута дрожали в снегу
дружили однажды чтоб с песней в метро провожали

портвейна рубин или спасской жирафья звезда
где смех вам не молк и с барханов сахара заметно
пусть светит оттуда какие вы были всегда
а мне до конечной в ночи обо всех незабвенно

* * *

на бечевах чье вялое белье
двуного ковыляло до околиц
вполнеба солнце липкое бельмо
и над обвалом дня канатоходец
в пасхальный жар в неапольском порту
где натовские утюги железны
он в баре брал микстуру поутру
чтоб разом мысли в голову не лезли
был город мертв мозги уже пекло
под стапелем на отдыхе разутом
он стал один и меньше чем никто
в округе крытой матом и мазутом
в пасхальный день за пирсом ни души
весь город гроб и даже церкви сами
кто умер вовремя уже ушли
а новые им вслед не воскресали
всеобщего отсутствия толпа
в коротких окнах эпизоды босха
torna a surriento пело из juke-box'a
и он вернулся
он там жил тогда

кипел залив как тигель золотой
над капри вязко облако стояло
венчая день в котором запятой
до полной точки быть недоставало
кто умер пронциательней чем ты
он пуст внутри и полон звезд наверно
вся жизнь по эту сторону черты
забыть неаполь и прощай палермо
вплывь к северу другие города
где зелено и все трудом согрето
скорее к пирсу и вернись в сорренто
христос воскрес
неаполь никогда

* * *

резкий стрелец винторогие в тучах самцы
чутких по корту сквозь рокот копыт гербиворов
море праматерь миров заголяет сосцы
вверх водолею и ветра ревнителен норов
в каждой воде существует исток вещества
слепо судьбу сортирует на глину и камни
делит клепсида количество крат без числа
срок твой на капли

вот и короткое впору теперь истекло
прибыли плавно велите куда обещали
кто разберется с разбега не лгун ли стекло
или позвольте на выход реально с вещами
зоркий стрелец возлежа подле девы-жены
целит где липы желты и алеет калина
сумерки страсти и сверху навзлет сражены
камни и глина

гром в роговицу предсердие на языке
влага внутри солона или долг водолею
долго предсмертие длится и звук на замке
шепчется воздух но имени не одолею
высветит благо что взгляд за порогом острей
воин в стропилах зари ублажает подругу
где персонажи ненужных надежд и страстей
мчатся по кругу

* * *

толпа не знала времени отъезда
окрестными теснима небесами
откуда башня падала отвесно
с мерцающими как ручей часами

толпа листвой шумела и дышала
она жила бегом как от пожара
но нашему прощанью не мешала
пока ждала и время провожала

благословенны юности руины
в районном центре солнечного круга
на станции где мы тогда любили
без памяти и все еще друг друга

там пел в толпе один невзрачный видом
с гармошкой и в нестиранной тельняшке
прикинувшись вокзальным инвалидом
эскизом человека на бумажке

пускай тогда он не глядел на нас но
отсюда видно чьих коснулся судеб
поскольку пел о том что все напрасно
что все пройдет и ничего не будет

но мы ему не верили конечно
а солнце дни усталые верстало
чтоб доказать как утверждал калека
что все прошло и ничего не стало

так все сбылось и ничего не страшно
остался свет но он горит не грея
и там на площади осталась башня
с дырой откуда вытекло все время

* * *

в просторной стране где совсем ни кола ни двора
так остро спросонок в мороз чем медлительней летом
когда за костром от росы коченеет кора
а сердце очерчено лугом и сплюснуто лесом
мы жили уже или живы тогда но не те
чьи лучшие лица повержены в гибкую воду
прозрачны заре или в хвойной светясь темноте
по локти в чернике что птиц отпускали на волю
мне пробило двадцать покуда умолк календарь
простясь с отраженьем навек обнимали друг друга
отведать награда которому мир повидал
одними губами где небо на ощупь упруго
пространство светло без вреда если время не труд
кто прибыл вперед за меня сочиняющий тут

там лето не дрогнет и сосны резные тверды
все в звездах насквозь по краям радиально ложатся
когда я навстречу лицом из кромешной воды
в которой привычно что некому мной отражаться
костром возведен симметричный порядок теней
им нет соответствий где воздух осмысленный в нише
им каждые сумерки каждое небо темней
в чернике лиловые зори но сосны все выше
откуда плывут возвратившихся птиц голоса
молчания легче как в музыке промах короткий
как млечная по небу вся эта жизнь полоса
и вся эта смерть продолженье где этот который
все пишет обратно все дышит на доску стола
но пауза только раз воздух не держит слова

* * *

двадцать третье апреля гостей снарядил и лег
сутки в скользкой листве как дождевая водица
просыхают под ветром солнечный мотылек
вслед последнему свету за рваной рекой садится
джонсон отчалил в лондон дочь учи не учи
месит сено с куини но время вперед прямое
жестко стелет полночь космические лучи
на скиптроносный остров в серебряном море
речью венчал безъязыких и жестом но ныне нет
платных страстей суфлера тем кто тут обитает
под караулом с младенчества верных планет
он лежит в чем прожил с утра шекспир отдыхает
на лучшей из двух кроватей за гранью мер
в доме который воздвиг для него лорд-мэр

стынет взор кому заказан возврат дневной
через стрэтфорд пролягут века куда не дожил
пусть и прежде больше барыш стакан в пивной
тот кто может все уже никому не должен
но платил исправно брал повторный сосуд
точным золотом слова с помоста покрыта трата
он чеканил им речь которую пронесут
от разливов миссури до самых трясин евфрата
перед ликом лизбет и северный варвар джеймс
он им пел как вол чтобы семь суббот в неделе
изваял им любое имя и каждый жест
в этом полураю в своем другом эдеме
чтобы жить по средствам всем на тысячи лет
даже если умолк суфлер и автора нет

но покуда ночь и в городе ни огня
за щеколду бережно нежно должно быть джудит
силуэт украдкой и опрометь вдоль окна
в комнате где не одна но и двух не будет
где без снов поперек постели спит властелин
полумира и больше певец на смертном ложе
составитель планеты которую населил
племенами зла и добра и нами тоже
перед самым уходом сверху ему видны
агинкур и верона богемское море и реки
всех народов в которых доля его вины
ибо с верхним светом ума и даром речи
весь повергнутый в ужас но не подобранный мир
в тишине где не было бога и мертв шекспир

* * *

над озером луна горела
звенела поздняя листва
раз серебро ее колена
два платиновый диск лица

зодиакальный шкив косило
взглянуть сквозь ясную слезу
как непростительно красиво
устройство осени внизу

как тщательны ее приборы
где ночь учуяв под собой
качает шестерни природы
светила анкер часовой

всех пращуров печальный улей
созвездий в сумрачной красе
чтобы кому еще не умер
из них завидовали все

кому рассвет пока не тризна
чье время зеркало без дна
здесь осень золотая призма
и семицветный пламень дня

* * *

пересадка в шайенн перекресток встречных глубин
на руле одурев от лени дремлет наемник
или здесь насовсем вдалеке от кого любил
в самый медленный день в этот каменный шторм вайоминг
все столетие в тщетный щебень едва зевни
заглянуть за альцгеймер в индейскую встречу с детством
там под килем базальт по самый хребет земли
но на каждого неба щедрый пай не по средствам
за каньоном в окне расклепался обруч широт
проходная в жизнь где уже никто не живет

говори мне гранитный медведь в пихтовой шерсти
вой на citizens band под бурду из щербатой чашки
в беготне от стены к стене на ногах с шести
достоверности ради колыт на казенной части
отстегну кобуру от стегна перед входом в храм
отченаш как глетчер в зобу больно зимы люты
бородатый из бури маршруты орет ветрам
с гончим псом на борту автобус стремглав до юты
в мелком люрексе звезд звенит ледяная слюда
над плато перетертых резцов где мы навсегда

для того ли дала елена и пел гомер
и с каких кассандра трофейным плодом полнела
чтобы снежный пожар над горой ларами горел
где ни трои ни стен ни души никому вполнеба
над планшетом где прежний мир проведен дугой
через третий и первый рим через мюнхен и прагу
рвется небо куда я сажаю одну за другой
разрывными за всех поименно и промахи правлю
бородатый в буре умолк погасила свет
вся страна в которой умру через пару лет

* * *

под детройтом нудно ссорились на заправке
помирились мгновенно где в клетках и норах
дети разных народов живут в зоопарке
а макаки без устали ваяют новых

вдоль шоссе рдели клены пока не окликнет
ноябрь и не умчит все цвета спектра в небо
уже смеркалось когда приехали в кливленд
в пригороде не беда еще зеленело

там встретила тетка в теле жилища в сером
бунгало в саду из ностальгических вишен
третий муж за кормой теперь с бойфрендом-сербом
но деньги кончились и серб куда-то вышел

оступалась в песню прихлебывая виски
родом из ди-пи хот-доги крошила кошкам
без песни уже ни слова по-украински
а по-сербски только мат и тоже все в прошлом

стали проступать звезды когда разрыдалась
изморось на стволах континентальный климат
или не совсем так но со скидкой на давность
странно все-таки что это именно кливленд

посидели сносно но просыпались в скверном
похмелье в клетке серых струй и бурых пятен
теперь поди умерла и что с этим сербом
которого не было но вполне понятен

эпизодов много но этот совсем лишний
вижу головы над столом но слов не слышу
часто когда в кливленде опадают вишни
и макак в детройте переводят под крышу

* * *

и еще к однокласснице супруги в честер
вспоминали подруг думал совсем засохну
но разговор скоро выдохся и весь вечер
рубилась в monopoly по центу за сотню

кассирша из аптеки с топотом носила
из кухни twinkies и в чашке со снупи кофе
господи до чего же была некрасива
глаза от жалости вбок но мороз по коже

потом вошел кот вразвалку в кошачьи двери
дворняга но хитрован с надменной статью
какой-то была харизматической веры
через полгода звонила звала на свадьбу

посидели без танцев болтали о разном
пели гимны нашарив соседские руки
муж после семинарии с энтузиазмом
вместе на курсы и миссия в камеруне

папаша ввиду отсутствия сперва грустный
потом разжился плеснул тайком чтобы зависть
не грызла а про меня все знали что русский
знакомили с пастором тепло улыбались

пастор пылко поведал как вся твердь и суша
внемлет их молитве на пяти континентах
а мы подарили занавеску для душа
с ангелами на музыкальных инструментах

по дороге домой купила торт готовый
радовалась до слез мужа с руки кормила
пока я думал об этом боге который
так и носит нас по всем камерунам мира

* * *

лиха беда в ком труд не по нутру
жить в жмурки в сумерки на поражение
права простить простуду поутру
вменить в вину светил расположение
сияла ночь луной был полон сад
постель был весь раскрыт и сразу потно
но полтора столетия назад
смешно жалеть а радоваться поздно
был полон сад улиток и червей
и прочих мелких жителей подобных
стояла ночь чем обморок черней
где жизнь периметр факелов подводных
кто узник муз отсюда до семи
рыдать обняв кому писать стихи

когда рассвет оркестром по селу
в цилиндре вслед внимательно иду я
ценитель птиц и скромный друг всему
их образцы словесно именуя
ночных червей напрасно не топчу
которым орган не дарован певчий
или другой показывать врачу
допустим нос и пламенная печень
так поступал и афанасий фет
но в нас ему грядущей жатвы нет

* * *

делу день лишь бы жить не работа
чуть походим и быстро лежим
в узком месте уйдя от аборта
непременно в щадящий режим

полюби этот вакуум бедный
в беспросветных парсеках село
праздный разум что каторжник беглый
пусто в черепе в небе светло

так привычно сплетаются стансы
на устах и в ромашках лужок
в чистом поле прощальные зайцы
только квантовый щелкнет прыжок

блик беды но пока по колено
дефицит обитаемых мест
кто и глянет в глаза откровенно
то не чаще по разу в заезд

так и не с кем померяться славой
слишком плотно в союзе с людьми
грызуны нашей совести слабой
трансцендентные зайцы судьбы

* * *

в пустыне я скитался как бревно
месил песок без жребия и шанса
разверзнув вещей зев но все равно
на мой язык никто не покушался

я жил бомжом а был в душе боян
вполне владея техникой и темой
мне голос свыше был вставай болван
и что-нибудь давай скорее делай

взошел мираж непроходимых трав
виденье туч под звездами густыми
и понял я что говорящий прав
захлопнул рот и вышел из пустыни

вторая осень прожита в миру
бегом по склонам липы и оливы
здесь в окнах люди режутся в буру
и ласточки к востоку торопливы

остановись мгновенье помолчи
визг времени усугубляет смертность
пока болезнь придумают врачи
придется петь чтобы еще не смерклось

восстань и внемли лесу и судьбе
свет взаперти но возгорится снова
пусть не пророк но мир храни в себе
он устоит пока не молкнет слово

* * *

опрокинуто небо дырой на торец
браво оперный бриг осеняющий сидней
опечатка что в тучах всей твари творец
и любил бы любую но аспергер сильный
содран саван осенний носи не носи
малOVER на юру без порток как береза
только топот по сцене а верхнее си
индевет во рту и на бис не берется
горе вздоху что воздух убийственно густ
три медведя в пижамах и лоси сохаты
много выпито вредно которого вкус
только шерсть полномочна привычной собаки

мимолетные мухи редеют и мрут
календарь упирается в вечную среду
так и быть не сочти себе зиму за труд
или зину допустим по первому снегу
миру мир если малым природа горда
и восторг в телевизор прелестным артисткам
вот бы только не аспергер полный тогда
все живое любил бы ласкал бы и тискал
сердцем северным с детства прельстился пургой
в ветре вертится время ажурно и влажно
и собаку родную не надо другой
то есть кошку вестимо но это неважно

* * *

скоро фуру подгонят и примутся класть
или ушлым студентам на мелкие части
не скажу чтобы жил как имеющий власть
но как пить над собой не желающий власти

лучше в звездные отруби в тлен и труху
чем вертеп где фильтрует базар с пацанами
кто молитвы в мешок сослагает вверху
и кладет к рождеству племена под цунами

будет вечер и свет в подметенных домах
будет память чиста без мощей и часовен
если злу уступал озираясь впотьмах
то спасибо на большее не был способен

вот и первой свободы смертельный глоток
чтобы верили гордо и не горевали
все ступившие прежде в фотонный поток
все идущие вслед кто остался в реале

* * *

который год мерещится страна
где лихо блещут на лице очки
потом лицо встает из-за стола
берет печать и говорит апчхи

культурно вместе в лагере лесном
кто песням рад и всем словам вообще в них
пройди к пруду там девушка с веслом
так хороша в своих трусах волшебных

глотнуть аплодисментов и речей
в поту труда сердца звенят в зените
граненые нет никогда ничей
я не был собутыльник извините

я прятался в укромном далеке
среди одной прекрасной иностранки
а в бережно разжатом кулаке
ни трех рублей давно ни нужной справки

лишь изредка душа внутри грустна
под веслами подрагивает пруд
ей не на что поправиться с утра
где этих денег сроду не берут

* * *

притерт горизонт и другими людьми
на улице будень придуман подробный
объем головы арендует внутри
не я а неведомый разум подводный
невидимый нам обитатель на дне
которому там расскажи обо мне

о чем я несчастный в душе кубометр
простого пространства заныл семиструнно
мне месяц башку желобами проел
по шкуре сапфирной и выдоху трудно
из долгого горла легла колея
глаза васильков на лице ковыля

кому межпланетный трагический гость
по ноздри в потемках где свечи сочатся
пространства котомка и времени горсть
под толщей воды возмужать и скончаться
светило с высот ослепительный блин
зачем это снилось и кто это был

кто потно старался и спит наконец
с петрушкой в зубах по традиции жанра
ты вечности всей подневольный гонец
на волю и жабрами жабрами жарко
моллюск преуспеть в животе госпожи
которому жизнь обо мне расскажи

* * *

Памяти А. Сопровского

дорога в наледях на брно две зимних смерти
в столице слякоть но с утра вполне красиво
покуда не через порог покуда вместе
отлично время провели за все спасибо

за то что встретились и врозь хранили верность
вдохнем тогдашнего огня и вновь наполним
сойтись бы как-нибудь опять пока не вечность
на самой светлой из планет какую помним

все было с вами рождеством и новым годом
теперь на расстанях гудки и давка в кассах
и не сдвигая по одной перед уходом
за тех кто мертвые сейчас на этих трассах

* * *

пора седлать осла
скитаться на покое
где липа не росла
и след не лип к подкове

в последний лес камней
простор в столетней стуже
слепому даль темней
и перспектива уже

тумана молоко
сплошь облако и мыло
совсем невелико
все что сбылось и было

слаб человек с ослом
калибр привычной вещи
настолько мал числом
исчез и много меньше

без пользы вся езда
глаза слизнуло светом
здесь тензор и звезда
и тайна только в этом